

Шиль Софья Николаевна

**Художник Александр
Андреевич Иванов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С68

С68 **Софья Николаевна Ш.**
Художник Александр Андреевич Иванов / Шиль Софья Николаевна – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 42 с.

ISBN 978-5-521-31142-2

ISBN 978-5-521-31142-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С. Орловскій.

ХУДОЖНИКЪ

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

ИВАНОВЪ

(Биографическій очеркъ).

Съ портретомъ А. А. Иванова и снимками съ его произведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Е. В. Лавровой и Н. А. Попова.

1899.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 3 Августа 1899 года.

Типо-Литографія И. Флейтмана, Казанская, 45.

Х У Д О Ж Н И К Ъ

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Въ одной изъ залъ Румянцевскаго музея, въ Москвѣ, находится знаменитая картина «Явленіе Мессіи народу», занимающая собою цѣлую стѣну. На первомъ планѣ изображена группа людей у ручья; одни выходятъ изъ воды, другіе одѣваются; всѣ обратились къ стоящему посреди пророку, который вдохновеннымъ жестомъ указываетъ въ даль. Это—Іоаннъ Предтеча, возвѣщающій о явленіи Мессіи. Нѣкоторые слушатели обернулись въ ту сторону, куда указываетъ пророкъ, и смотрятъ на идущаго къ Іордану Христа. Направо отъ Предтечи стоятъ молодой Іоаннъ и старецъ Андрей, будущіе ученики Іисуса; тутъ же виденъ прислушивающійся старикъ и Наанаиль, опустившій взоры, мучимый сомнѣніями въ справедливости словъ пророка. Изъ чистыхъ водъ Іордана выходятъ жалкій старикъ и полный жизни юноша. Слева стоятъ отецъ и сынъ, только что крестившіеся въ Іорданѣ; возлѣ нихъ богатый еврей опустился на землю, и рабъ подаетъ ему одежду. Некрасивое, страдальческое лицо раба все свѣтится радостнымъ изумленіемъ и блаженной надеждой; онъ не сводитъ глазъ съ говорящаго пророка. Тутъ же дряхлый старикъ поднимается съ помощью близкихъ во срѣтеніе Христа. Далѣе группа молодыхъ и старыхъ евреевъ, мужчинъ и женщинъ, фарисеевъ и воиновъ, а въ отдаленіи Іисусъ, твердою поступью приближающійся къ ожидающимъ людямъ.

Въ картинѣ много недостатковъ на требовательный глазъ современнаго зрителя: краски кажутся слишкомъ грубыми, нѣкоторыя позы слишкомъ заученными, напоминающими академическіе образцы; въ картинѣ мало свѣта, воздухъ кажется недостаточно прозрачнымъ, тяжелымъ, и нѣтъ въ ней той гармоніи колорита, которая ласкаетъ и тѣшитъ взоръ.

И все-таки эта картина представляетъ огромный интересъ. Тутъ же, въ другихъ залахъ, выставлены подготовительныя этюды къ ней, и сличеніе этихъ набросковъ и рисунковъ съ головами, фигурами и частями самой картины все болѣе и болѣе усиливаетъ интересъ зрителя къ этому необыкновенному полотну. Становится яснымъ, что художникъ работалъ надъ картиною съ любовью и увлеченіемъ, вложилъ въ нее все свое знаніе искусства и жизни, всѣ свои мечты и стремленія, изобразилъ въ ней свой идеалъ. Недостатки картины въ художественномъ отношеніи вполнѣ вознаграждаются ея внутреннимъ содержаніемъ.

Когда же мы узнаемъ, что художникъ трудился въ теченіе многихъ лѣтъ, почти цѣлую жизнь, когда мы познакоимся съ грустной повѣстью этой жизни, полной лишеній и горестей, одинокой и печальной, то къ нашему чувству симпатіи и удивленія присоединится еще глубокое уваженіе передъ нравственной красотой человѣка, отдавшаго лучшіе годы жизни на созданіе тѣхъ образовъ, въ которыхъ онъ искалъ воплотить свои идеалы.

I.

Мы должны перенестись мыслями къ началу нашего столѣтія. Въ 1806 году, въ Академіи художествъ въ Петербургѣ, у профессора Андрея Иванова торжествовали рожденіе сына-первенца, Александра.

Казалось, жизнь встрѣтила улыбкою будущаго художника. Дѣтство его прошло среди любящей семьи, во главѣ которой стоялъ отецъ, всѣми уважаемый профессоръ, самъ писавшій картины въ академическомъ вкусѣ. Профессоръ Ивановъ имѣлъ самое возвышенное понятіе о назначеніи художника; онъ внушалъ своимъ ученикамъ, что истинный художникъ подобенъ избраннику Божію, пророку, который призванъ «жечь сердца людей». По своимъ взглядамъ на живопись профессоръ принадлежалъ вполне къ прошедшему. Онъ благоговѣлъ передъ античными произведеніями и передъ картинами знаменитыхъ итальянцевъ, и думалъ, что художникъ долженъ *«исправлять видимые недостатки въ природѣ»* и изображать только идеальную красоту.

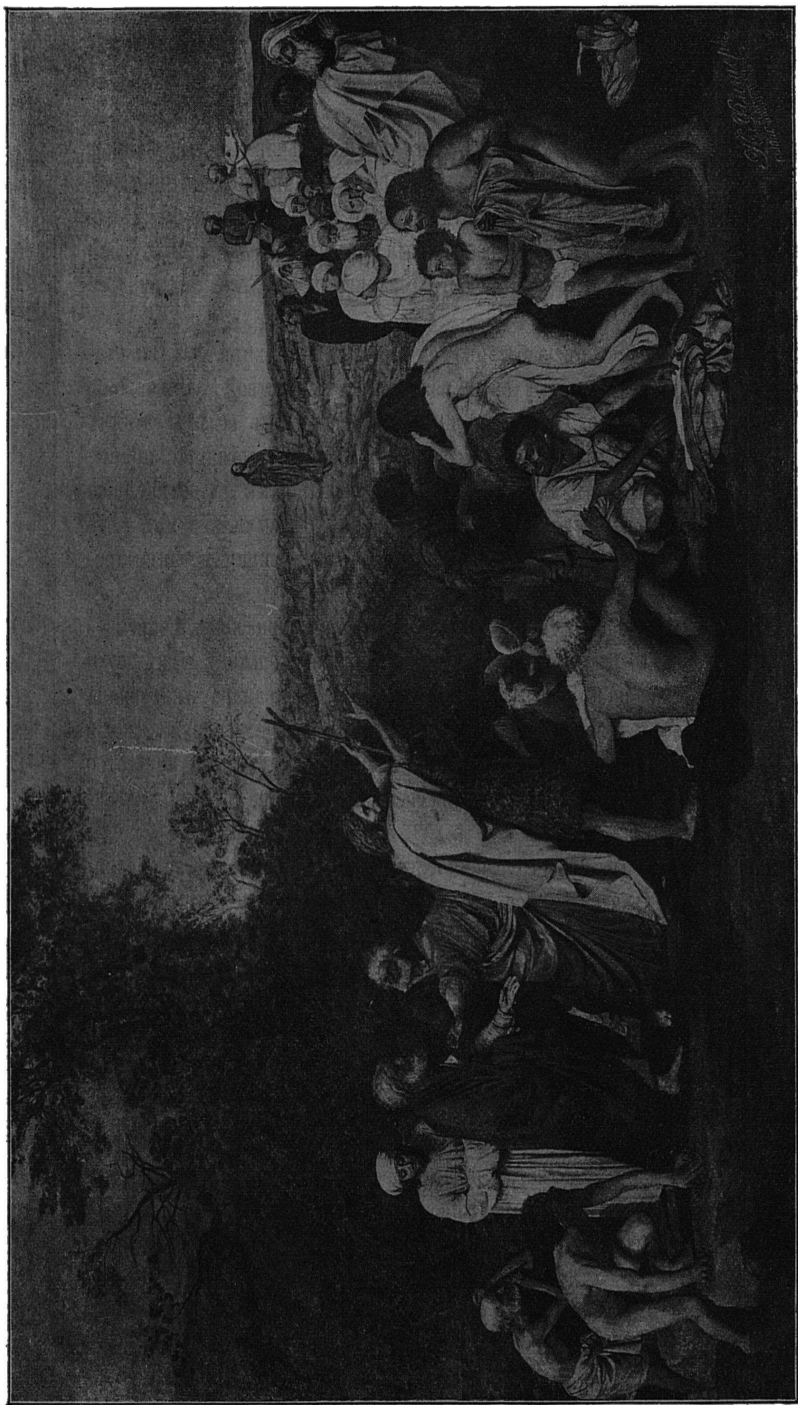
Такъ думали и въ Западной Европѣ многіе художники, жившіе въ концѣ прошедшаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго. Преклоняясь предъ красотой греческихъ статуй и совершенствомъ картинъ итальянскихъ живописцевъ, эти художники считали себя счастливыми, если умѣли подражать имъ, и чѣмъ больше успѣвали въ такомъ подражаніи, тѣмъ счастливѣе и талантливѣе считали себя. Они думали, что дальше и нельзя идти въ искусствѣ. Окружающій Божій міръ, природу своей

родины, особенности повседневной жизни они считали недостойными искусства; имъ казалось, что «натура» некрасива, что она полна недостатковъ, и что художникъ долженъ исправлять ее, украшать, подражая прославленнымъ, классическимъ образцамъ. Только нѣкоторые великіе художники, одаренные глубокимъ чувствомъ правды, дерзали изображать родную природу, какою видѣли ее каждый день передъ собою, и рисовали людей именно такими, какими встрѣчали ихъ въ настоящей жизни.

Профессоръ Ивановъ былъ одинъ изъ «классиковъ», любилъ выбирать для своихъ картинъ аллегорическіе сюжеты и считалъ необходимымъ исправлять «натуру».

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ его старшій сынъ Александръ обнаружилъ любовь къ рисованію; отецъ съ радостью слѣдилъ за первыми его опытами, и помогалъ ему своими указаніями. Мальчикъ скоро сдѣлалъ большіе успѣхи, и настолько хорошо рисовалъ въ двѣнадцать лѣтъ, что его можно было отдать въ Академію Художествъ.

Новый воспитанникъ Академіи сразу обратилъ на себя вниманіе учителей и товарищей. Александръ Ивановъ былъ въ эту пору коренастый, широкоплечій мальчикъ, съ румянцемъ во всю щеку, съ шапкою русыхъ кудрей на головѣ. Его голубые глаза часто мѣняли выраженіе: иногда они свѣтились ласкою, иногда смотрѣли серьезно, почти печально. Въ первый разъ Александръ явился въ Академію въ новой, изящной курточкѣ, съ большой папкою, откуда выглядывали листы рисовальной бумаги, со множествомъ карандашей. Ученики, оглядывая новичка, рѣшили, что онъ изъ богатыхъ; многіе съ завистью смотрѣли на его рисовальныя принадлежности. Но вскорѣ это нехорошее чувство смѣнилось у нихъ самой теплою привязанностью къ счастливому мальчику. Оказалось, что онъ чрезвычайно добръ и услужливъ, радъ дѣлиться со всѣми не только бумагою и карандашами, но также своими замѣчательными знаніями. Ученики полюбили Александра, хотя онъ никогда не принималъ участія въ веселыхъ продѣлкахъ класса; застѣнчивый и тихій, онъ обыкновенно держался въ сторонѣ, былъ молчаливъ и серьезенъ не по лѣтамъ, и сдружился только

Зв'янення Мессіи народу (картина А. А. Іванова).

съ однимъ ученикомъ, Иорданомъ. Дружба обоихъ художниковъ длилась до кончины Иванова.

Учителя восхищались рисунками мальчика и, пораженные ихъ правильностью и красотой, подозревали иногда, что отецъ-профессоръ помогаетъ сыну. Много слезъ и огорченія стоили Александру эти несправедливыя подозрѣнія; не менѣ сына огорчался и отецъ, и часто говаривалъ, что Александру «все дается съ бою».

Профессоръ заботливо слѣдилъ за успѣхами сына и старался внушить ему свои взгляды на искусство. Разговоры съ отцомъ глубоко западали въ душу юноши. Онъ вслѣдъ за нимъ увлекался мыслью о высокомъ призваніи художника; привыкалъ смотрѣть на историческія картины, какъ на величайшее проявленіе художническаго дара; онъ привыкалъ думать, что только исторія и религія могутъ дать художнику истинно-прекрасные сюжеты для картинъ.

Этотъ взглядъ на значительность исторической живописи, — который въ ту пору господствовалъ не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, — сохранился у Александра Андреевича до послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда онъ отвергнулъ многіе академическіе взгляды и самъ научился смотрѣть на искусство по-новому, съ глубиною и свободою истиннаго, великаго художника.

Въ годы своего ученичества Александръ всецѣло подчинялся Академіи и ея возрѣніямъ на искусство. Молодой чловѣкъ, которому суждено было стать впоследствии родоначальникомъ новой русской живописи, покорно писалъ картины на задаваемые темы, изображалъ Пріама и Гектора, Іосифа въ темницѣ и Беллерофонта, и только прекрасный рисунокъ этихъ картинъ говорилъ о томъ чудномъ дарѣ, который дремалъ еще въ его душѣ.

Годы ученичества кончились наконецъ для него. Общество поощренія художествъ рѣшило послать Иванова за-границу для усовершенствованія въ живописи.

Съ грустью прощался Александръ Андреевичъ съ горячлюбимымъ отцомъ, лучшимъ своимъ наставникомъ, и съ другими членами семьи; дружный кружокъ ея распадался, но медлить было невозможно. Въ Италіи Александра ожидалъ трудъ

на любимомъ поприщѣ; тамъ долженъ былъ онъ увидѣть наконецъ знаменитые мраморы и картины, о которыхъ такъ много слышалъ въ академіи, отъ отца и профессоровъ. Молодой художникъ рассчитывалъ вернуться черезъ три года; никто не подозревалъ, что вся жизнь его пройдетъ въ Италіи, что только черезъ двадцать восемь лѣтъ вернется онъ на родину, почти старикомъ, больнымъ и усталымъ для того, чтобы найти черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ неожиданную смерть.

П.

Съ прїѣздомъ въ Римъ начинается новый періодъ въ жизни Александра Андреевича Иванова.

Италія и Римъ произвели на него, знакомаго только съ сѣверной, бѣдной природой, глубокое впечатлѣніе. Онъ былъ пораженъ, очарованъ блескомъ и красотою Юга. Въ письмахъ своихъ къ отцу и братьямъ, онъ изображаетъ свою жизнь въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ.

„Я живу на горѣ... Войдя съ улицы Сикста, вы поднимаетесь во второй этажъ; завернувъ налево въ садъ, вы почувствуете ароматъ и увидите тучныя, цвѣтушія розы, и подъ виноградными кистями пройдете ко мнѣ въ мастерскую, а далѣе — въ спальню или комнату. Въ мастерской на главномъ окнѣ стоитъ ширма въ полтора стекла, чтобы закрыть ярко-зеленый цвѣтъ отъ миндаля, фигъ, орѣховъ, яблонь и отъ обвивающейся виноградной лозы съ розанами, составляющей крышу входа моего“.

„Во время отсутствія скорби о домѣ моемъ родительскомъ, я бываю иногда до такой степени восхищенъ, что не бываю въ состояніи ничего дѣлать: какъ же тутъ не согласиться съ итальянскимъ бездѣйствіемъ, которое мы привыкли называть лѣнью?...“.

„Изъ оконъ съ одной стороны моей спальни виденъ другой садъ, нижній; дорожки всѣ имѣютъ кровлю виноградныя кисти, а въ серединѣ ихъ или чудныя цвѣты, или померанцы, апельсины, груши и т. д. Сзади сада живописной рукой вы-